

Виктор АСТАФЬЕВ:

# Свою Овсянку я истоптал босыми ногами

1 мая исполняется 80 лет известному писателю.

К юбилею в его родной деревне построен мемориальный комплекс

Астафьевская деревня начинается со смотровой площадки - скалы над Енисеем. С трехсотметровой высоты Овсянка как на ладони, одинокое пестрое пятнышко на берегу незамерзающей реки, в шедром пространстве сибирской Швейцарии, с ее красными скалами и волнами цепкого леса.

Раньше, пока доберешься до вершины, семь потов сойдет, а сегодня можно доехать почти к смотровой и оставить машину на стоянке. Прежде здесь выпивали, закусывали, мусор с горы бросали. Теперь, к юбилею, поставили ограждение, уложили брусчатку, навели марафет. На днях привели сюда заезжего высокого британского гостя в сопровождении губернатора Хлопонина. Валентина Ярошевская, директор лучшего в России краеведческого музея, «подала» англичанину астафьевское родовое гнездо: «Овсянка, сэр!» Губернатор хохотал - чуть со скалы не улетел.

Много чего к юбилею тут понастроили. Одна забота теперь: не утащат ли в металлолом «Царь-рыбу» - здоровенного железного осетра, место которому подобрали на площадке между гранитных камней?

## Гробовозов потеснили «новые русские»

Астафьевских земляков испокон веку гробовозами называют. На этот счет есть две версии. Во-первых, в старой Овсянке не было кладбища. Гробы на лодках перевозили на другой берег двухкилометрового Енисея. Во-вторых, есть легенда, что овсянские варнаки прятали (хоронили то есть) в домовинах золотишко с приисков. Виктору Петровичу последняя версия нравилась.

Сегодня гробовозов разбавили пришельцы из города: рядом со старинными домишками - роскошные коттеджи. Удобно, Красноярск в двадцати километрах, а тут красоты, Енисей у порога... Мемориальный комплекс начал строиться еще при жизни Петровича. По его инициативе в деревне выросла красавица библиотека и восстановлена церквушка, в которой крестили маленького Виктора Петровича.

Теперь и на набережной все новое, скамеечки, белый речной камень, а кажется, Петрович по-прежнему сидит на бревне, утопленном во влажную землю. Или гуляет по берегу - с внуками Полинкой и Витей...

## Бабушкин дом снесли

Избу Катерины Петровны, героини «Последнего поклона», пришлось снести. Бревна сгнили - труха. К счастью, тетка Астафьева, Анна Константиновна, рассказала в подробностях, где чего стояло. И сейчас в новом листовом доме, который назвали «Музей повести «Последний поклон», собраны все его обитатели-манекены: у печки дед Илья Евграфович, бабушка шьет на машинке, на полу играют Витька с братом Алешкой.



Памятник Астафьеву и его жене, созданный еще в конце 80-х, теперь возле дома писателя.



КСТАТИ

## Сколько стоит этот деревенский «Лас-Вегас»?

Мемориальный комплекс в Овсянке строится за счет личных средств губернатора Красноярского края. Александр Хлопонин уже вложил в деревню около \$1 миллиона. Впереди еще строительство Астафьевского центра, в котором предполагается вести научную и просветительскую работу с наследием писателя.

...Вернувшись в Сибирь, Астафьев купил себе домишко по соседству: бабушкин - не получилось, там жили две семьи. Будь жив Петрович, как бы он пережил снос родного гнезда? Вряд ли спокойно. Но понял бы, наверное, необходимость - терпимости ему было не занимать...

15 миллионов рублей - цена «Музея повести «Последнего поклона». Бывшие хозяева, между прочим, получили за дом две квартиры в Красноярске.

## Котенок

### на кровати писателя

Самый важный объект музейного комплекса - дом на улице Щетинкина, в котором творил Виктор Петрович несколько десятилетий, - Мекка для приезжих президентов, актеров, писателей. Во дворе между двумя кедрами установили бронзовый памятник: Виктор Петрович и Марья Семеновна на лавочке, босые. Работе скульптора Зеленова больше 10 лет, Петрович, говорят, и место сам для нее выбрал, но деревенские смотрят на памятник кисло:

- Марья Семеновна Овсянку не любила, стороной объезжала, нас терпеть не

Котенок сразу облюбовал себе место на писательской кровати.



Вита, последняя, поздняя дочь писателя, оказалась похожей на его погибшую маму. Он называл ее Божьим ребенком...

могла. Зачем она здесь? - удивляется Галина, жительница Овсянки.

Сама Астафьева-Корякина отношения к деревне не скрывает. Из книги «Сколько лет, сколько зим»: «...А я ее никогда не любила и никогда не любила, потому что ни одного лета... не проходило не то что в радость, а хотя бы спокойно. Там Виктора Петровича словно подменяют, и он быстро... делается грубым, бесчувственным...»

...Сейчас на подворье хозяйничают двоюродные сестры Петровича. Они и раньше помогали. А за грядками ухаживал глухонемой брат Алеша.

- Ну как тут будешь великим? - смеялся Виктор Петрович. - Говорю Алешке, мол, рано картошку окучиваешь! А он мне руку по локоть показывает и мычит: «И-и-тя, о-о-шел на х...!»

Худенькая Капитолина Тимофеевна мрачно смотрит на кедр у памят-

ника: «Дерево болело, как бы ему корни не повредили. Виктор уж очень эти кедры любил...»

Вторая сестра, Галина Николаевна, дипломатичнее: «Конечно, Овсянку необходимо было привести в порядок. И Виктору Петровичу нравилось, как в Тарханах у Лермонтова все устроено, как в Ясной Поляне...»

А в доме все по-прежнему, но есть и новая маленькая радость. Взяли черного котенка Ваську, чтобы первым переступил порог перестроенного бабушкиного дома. Васька любит совать нос в писательский граненый стакан, но чаще дремлет на кровати классика.

## Ночь с лучшим мужчиной

...Больно стоять в астафьевском кабинете. Сюда, в Овсянку, он когда-то звал меня на помощь.

- Ты врач или кто? - послышалось в телефонной трубке. - Приезжай, Ленка, у меня с животом плохо.

В Овсянке он стыдливо задрал майку, показал каменный живот, а еще через пару часов я стояла в больнице перед хирургом.

- Похоже, опухоль, отсюда и непроходимость. Если до утра все будет по-прежнему, прооперируем.

Была подлая мысль: если он умрет на столе, ты, Семенова, век не отмоешься. И была ночь в тесном отделении - на 38 комнаток всего одна уборная. Спасибо, Петровичу дали маленькую отдельную палату. И была его боль, и слезящийся раненый глаз. И было жаль не просто писателя Астафьева, а вот этого старого веселого солдата...

А утром я бежала через больничный парк, размазывая сопли по щекам - от счастья. Потому что справились мы с Петровичем. На работе (даже переодеться не успела) коллеги обалдели: «Ты откуда такая расписная?» Я ответила: «Провела ночь с лучшим мужчиной России!»

И это правда.

## Женщины Астафьева

Их было много - любящих, преданных, молодых и не очень. Сам Петрович удивлялся: «Какой же я бабник? Я всегда перед вашей сестрой робел...»

А женщины на полном серьезе считали Петровича колдуном.

- Приснился сон: Виктор Петрович читал мне стихи - красивые, чувственные, - рассказывает Н. - Не выдержала - призналась Астафьеву, а он странно так посмотрел, спросил: «Какие стихи - вот эти?» - и прочел несколько строк из моего сна. Говорю: так не бывает! «Бывает!» - возразил Астафьев.

Женщины обожали писателя, но еще больше он их любил: за рано погибшую маму, за умерших сестренок, за первую военную страсть - девушку из Краснодара... Можно понять Марию Семеновну, прожившую с Петровичем больше полувьеса. Можно понять ее ревность, но, увы, в последний год жизни не дала жена Петровичу попроситься со многими милыми ему людьми и с родной деревней. А без Овсянки он погибал.

Мистическое совпадение, кстати: Мария Семеновна родилась в один день с толстовской Софьей Андреевной - 22 августа...

29.04.04

Астафьев В. П.